

МОСКВА МИСТИЧЕСКАЯ,

МОСКВА ЗАГАДОЧНАЯ

Москвоведение

Борис Соколов

**Москва мистическая,
Москва загадочная**

«Алисторус»

УДК 908(470-25)
ББК 26.89(2-2Москва)

Соколов Б. В.

Москва мистическая, Москва загадочная / Б. В. Соколов —
«Алисторус», — (Москвоведение)

ISBN 978-5-906817-56-3

Москва — один из самых таинственных городов на свете. С ее историческими зданиями и проживавшими в них замечательными людьми связано большое количество легенд и преданий. В основе их, как правило, лежат конкретные исторические факты, но народная фантазия в своем полете обычно уходит от них очень далеко. В этой книге речь пойдет только о трех, но, пожалуй, самых знаменитых московских тайнах: о легендарной Либерее Ивана Грозного — уникальной библиотеке византийских императоров, будто бы доставшейся в наследство московским великим князьям, но позднее бесследно исчезнувшей в кремлевских подземельях, о приобретающем репутацию колдуна и чернокнижника сподвижнике императора Петра Великого шотландце Якове (Джеймсе) Брюсе и, наконец, о загадках, связанных с творчеством, наверное, самого московского из всех великих русских писателей — Михаила Афанасьевича Булгакова.

УДК 908(470-25)
ББК 26.89(2-2Москва)

ISBN 978-5-906817-56-3

© Соколов Б. В.
© Алисторус

Содержание

Московские тайны. Иван Грозный. Яков Брюс. Михаил Булгаков	6
В поисках ускользающего сокровища. Либерейя Ивана Грозного	7
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Борис Соколов
Москва мистическая, Москва загадочная

© Соколов Б.В., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Московские тайны. Иван Грозный. Яков Брюс. Михаил Булгаков

Москва – один из самых таинственных городов на свете. С ее историческими зданиями и проживавшими в них замечательными людьми связано большое количество легенд и преданий. В основе их, как правило, лежат конкретные исторические факты, но народная фантазия в своем полете, как правило, уходит от них очень далеко. В нашей книге речь пойдет только о трех тайнах, связанных с Москвой, но, наверное, тайнах самых знаменитых. В первом очерке мы расскажем о легендарной Либерее Ивана Грозного – уникальной библиотеке византийских императоров, будто бы доставшейся в наследство московским великим князьям, но позднее бесследно исчезнувшей в кремлевских подземельях. Во втором очерке мы остановимся на биографии одного из самых ярких сподвижников императора Петра Великого – шотландца Якове (Джеймсе) Брюсе, с которым связано наибольшее количество московских легенд. Этот человек еще при жизни, а главным образом – после смерти, приобрел репутацию колдуна и чернокнижника. И наконец, в третьем очерке мы попробуем разгадать некоторые загадки, связанные с творчеством, вероятно, самого московского из всех великих русских писателей – Михаила Афанасьевича Булгакова. Они связаны с двумя его самыми известными и до сих пор, через сорок лет после публикации, остающимися культовыми московскими произведениями – «Собачье сердце» и «Мастер и Маргарита» – и имеют отношение к некоторым вполне конкретным зданиям и прототипам, а также проискам нечистой силы. Что интересно, все три очерка оказываются связаны с книгами – с уникальной библиотекой византийских императоров, с богатейшей для своего времени научной библиотекой Якова Брюса и, наконец, с самыми знаменитыми книгами Михаила Булгакова. Итак, вперед, читатель!

В поисках ускользающего сокровища. Либерея Ивана Грозного

Уникальную библиотеку царя Ивана Грозного, знаменитую Либерею, ищут уже более 400 лет. Версий насчет ее судьбы не счесть. По одним, она сгорела в одном из бесчисленных московских пожаров, по другим – была оставлена царем в Александровой слободе, где будто бы сгорела в пожаре, вызванном небывалой грозой на Рождество 1582 года, по третьим – до сих пор хранится в одном из кремлевских подземелий и дожидается своего часа.

Согласно легенде, Либерея насчитывает более 800 древних фолиантов, многие из которых сохранились в мире в единственном экземпляре и способны буквально перевернуть наши представления о мировой истории и культуре эпохи античности и раннего Средневековья. Некоторые шутники сегодня оценивают пропавшую Либерею в 7—10 млрд. долларов. Впрочем, суммы оценки сокровищ, которых никто и никогда не видел, могут быть любыми – насколько хватит фантазии. Ясно только одно: если бы библиотека царя Ивана Грозного действительно существовала в том составе, который ей приписывают предания и легенды, то в случае находки это было бы поистине бесценным сокровищем. Так что всякий, ее нашедший, сразу должен был бы пополнить список самых богатых россиян по версии журнала «Форбс». Для этого даже законной четверти от стоимости клада хватит.

История поисков знаменитой библиотеки, полная невероятных приключений и загадок, давно уже заслонила собой те сокровища книжной премудрости, которые, как думали кладоискатели, должны там храниться. А в государевой библиотеке будто бы хранятся давным-давно утраченные или до сих пор не известные миру произведения Тацита, Вергилия, Юлия Цезаря, Тита Ливия, Аристофана, Цицерона, Гелиотропа, Заморета, Эфана, Бафнаса... Так и хочется дописать: Брокгауза и Эфрона. В общем, настоящая энциклопедия древних знаний. При этом встречаются книги не только церковные, но и вполне светского содержания. Более подробно о списке книг, составляющих Либерею, мы скажем далее.

Древние книги. Рукописные книги в «допечатные» времена были очень редки и дороги, а их переплеты и обложки инкрустировались драгоценными камнями и золотом и ценились порой больше, чем содержащиеся в них тексты

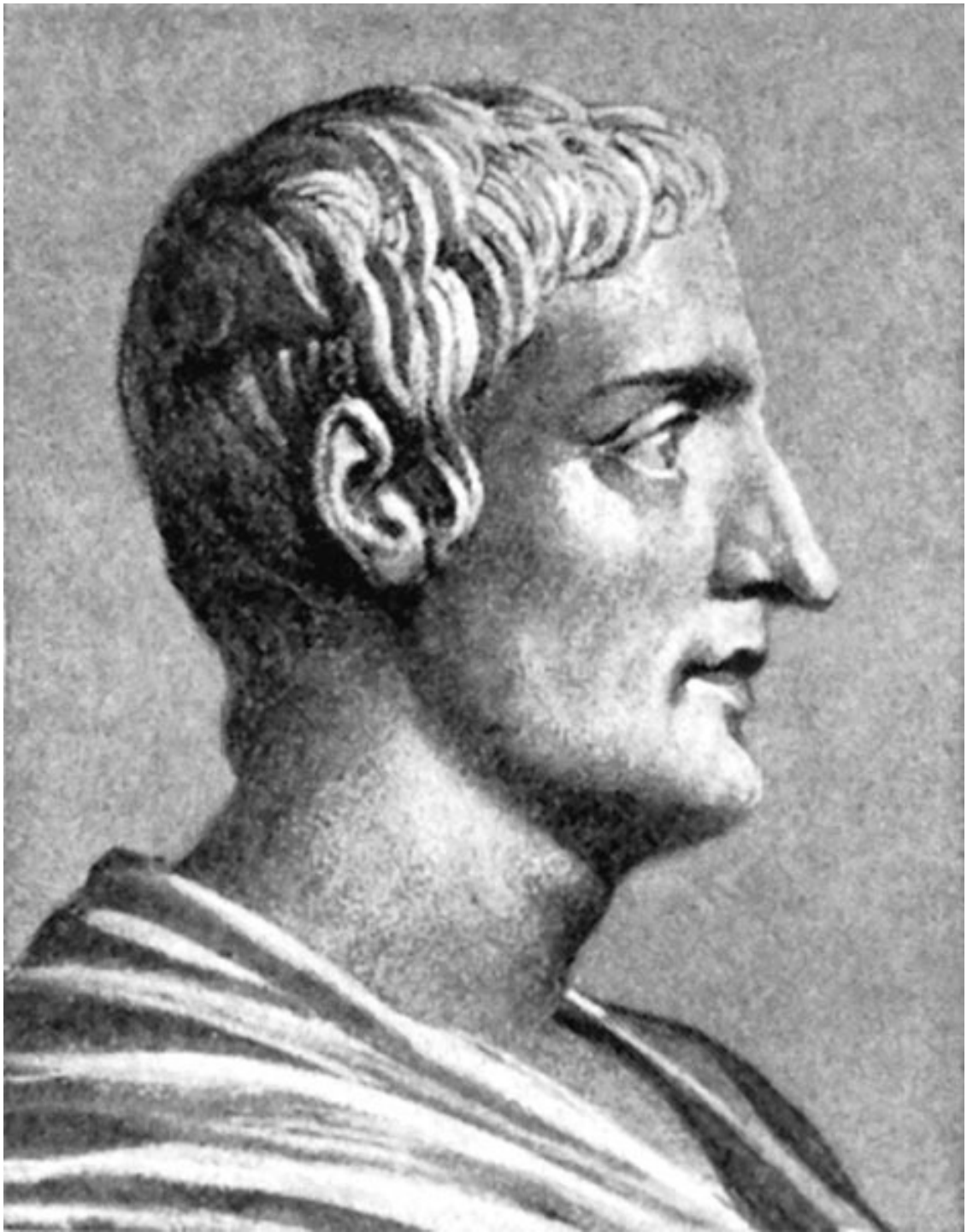

Царь Иван Васильевич Грозный. Худ. Васнецов В.М., 1897

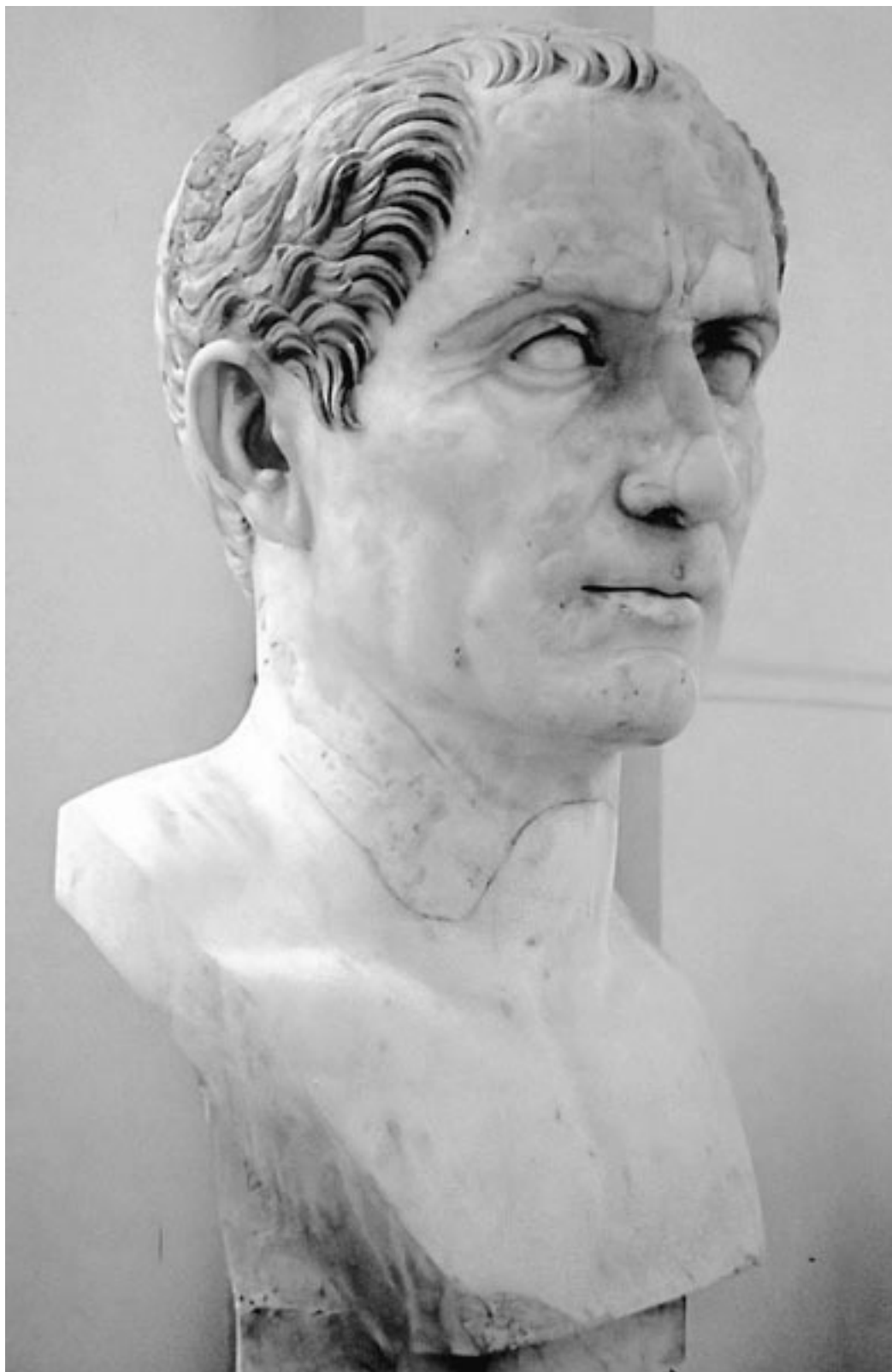

Александрова слобода. Загородный дворец великого князя Василия II, где, по одной из версий, была оставлена знаменитая Либерея Ивана Грозного

На руку тем, кто искренне верит в существование неведомой миру библиотеки Ивана Грозного, играет тот факт, что подземелья Москвы и особенно Кремля изучены еще в очень малой степени. По мнению энтузиастов, они все еще таят в себе несметные сокровища и неисчислимые тайны. К ним относится не одна только Иоаннова Либерея. Тут и сундуки, и горшки с золотом и драгоценностями, тут и истлевшие скелеты в цепях, замурованные в склепы и стены. Либерею и другие клады силой воображения можно помещать в любое еще не раскопанное подземелье, а если его раскопают и ничего не найдут, то – в следующее, и так до бесконечности. Нераскопанных подземелий в Москве хватит еще не на один век раскопок, особенно учитывая те темпы, с которыми они велись, начиная с конца XIX века.

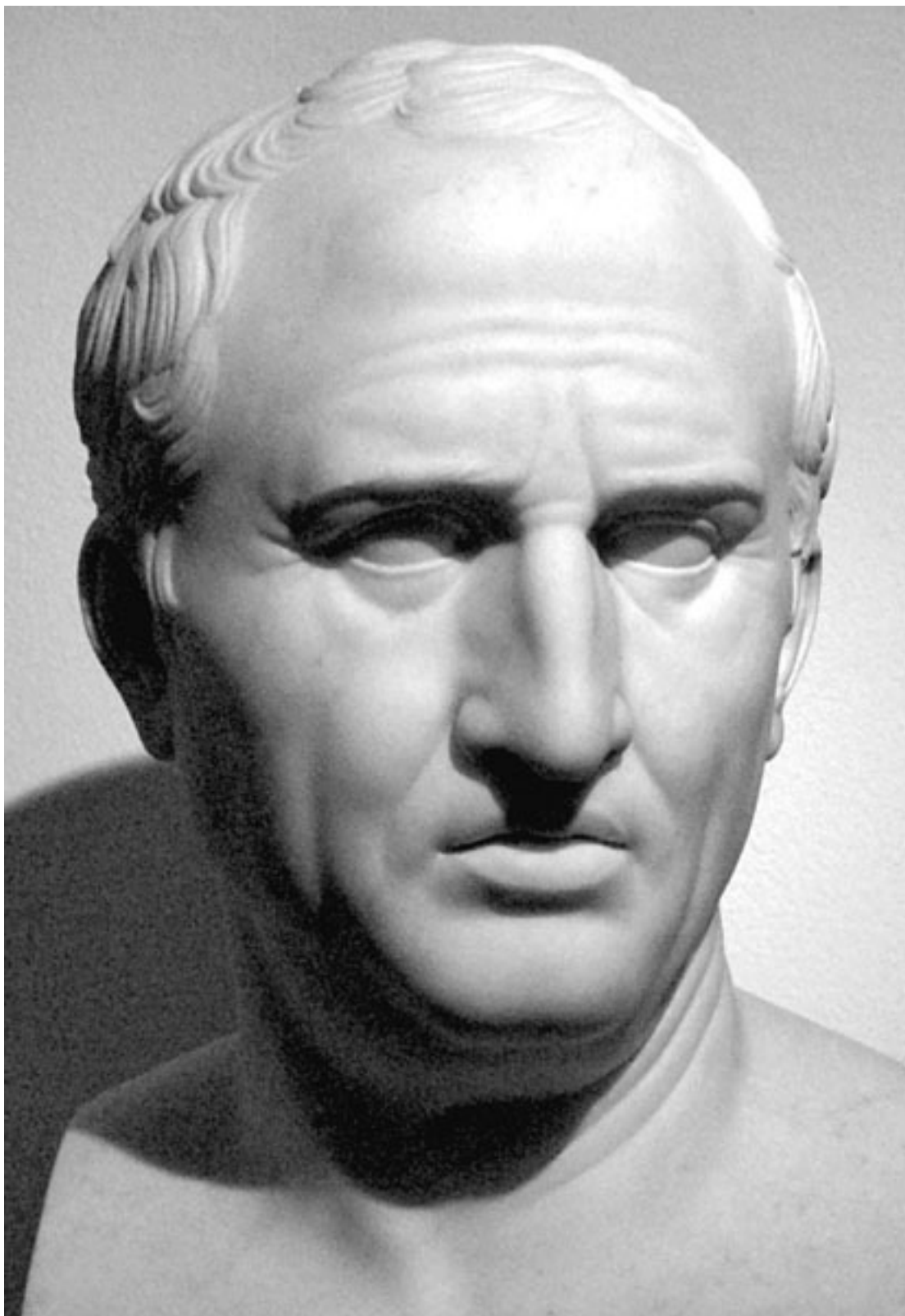
Тацит Публий (или Гай) Корнелий Тацит (середина 50-х – ок. 120 н. э.) – древнеримский историк, один из самых известных писателей античности, автор знаменитых исторических трудов – «История» и «Анналы». В представлении художника начала XX века

Гай Юлий Цезарь (100 – 44 до н. э.) – древнеримский государственный и политический деятель, полководец, писатель. Бюст Цезаря из Национального археологического музея в Неаполе; создан приблизительно в правление Траяна (начало II века н. э.)

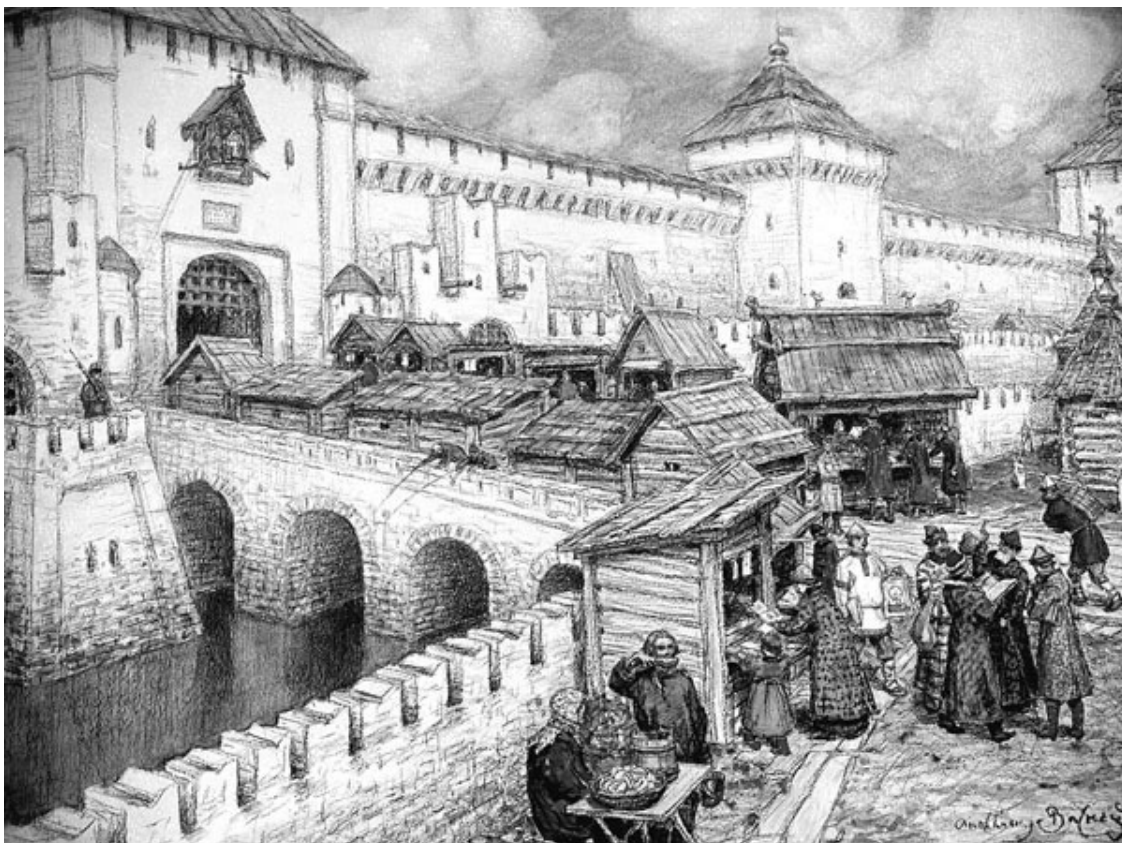
Тит Ливий (59 до н. э. – 17 н. э.) – один из самых известных римских историков

Марк Туллий Цицерон (106— 43 до н. э.) – древнеримский политический деятель, оратор и философ, оставивший обширное литературное наследие, существенная часть которого сохранилась до наших дней

Публий Вергилий Марон (70–19 до н. э.) – один из величайших поэтов Древнего Рима, прозванный «мантуанским лебедем». Бюст Вергилия у входа в его склеп в Неаполе

Книжные лавочки на Спасском мосту в XVII веке. Худ. Васнецов А. М., 1902

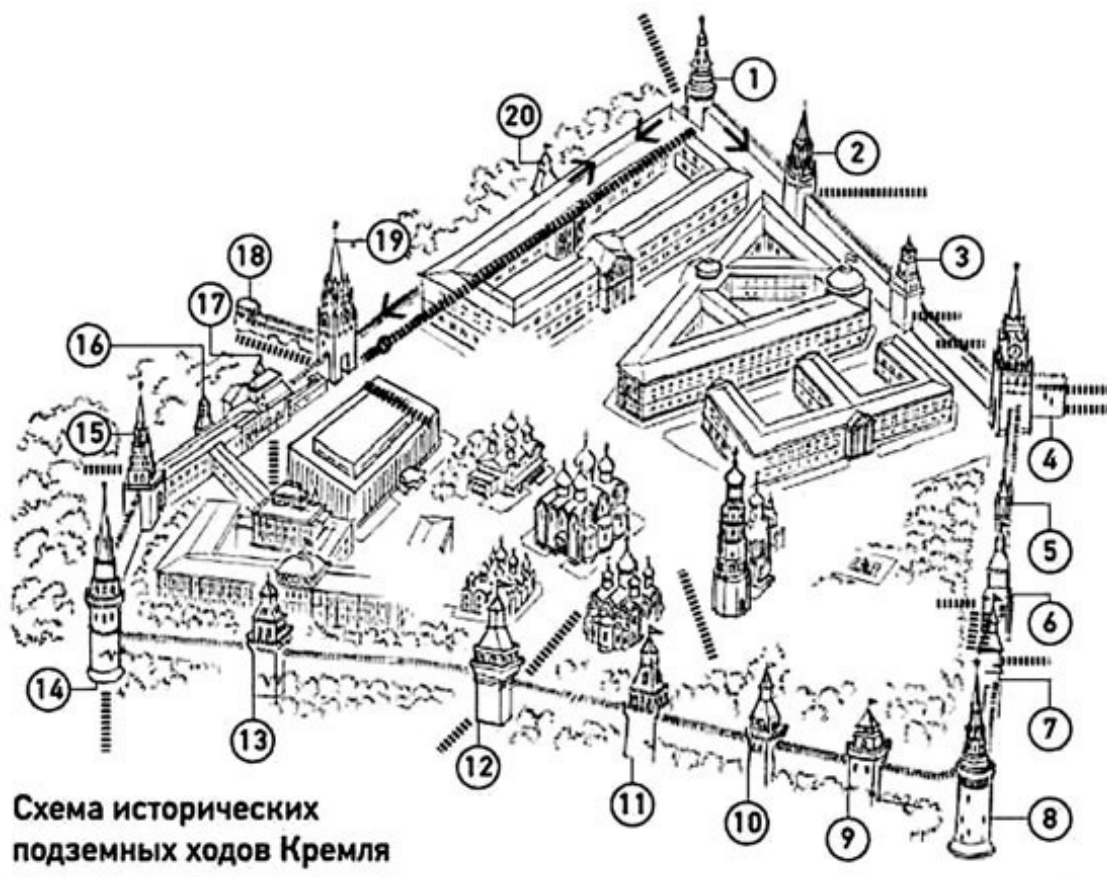

Схема исторических подземных ходов Кремля

Внутристенные проходы

Подземные ходы

1. Арсенальная (Собакина) башня	11. 1-я Безымянная башня
2. Никольская башня	12. Тайницкая башня
3. Сенатская башня	13. Благовещенская башня
4. Спасская башня	14. Водовзводная башня
5. Царская башня	15. Боровицкая башня
6. Набатная башня	16. Оружейная башня
7. Константино-Еленинская башня	17. Комендантская башня
8. Беклемишевская башня	18. Кутафья башня
9. Петровская башня	19. Троицкая башня
10. 2-я Безымянная башня	20. Средняя Арсенальная башня

Схема исторических подземных ходов Кремля

Что же это за Либерея такая? Чтобы узнать ее историю, нам придется углубиться в XV век.

Великий князь Московский Иван III Васильевич овдовел и женился на византийской царевне Софье Палеолог. За бедной невестой якобы дали в приданое уникальную библиотеку из дворца последнего византийского императора (басилевса) Константина XI. (Софья была его племянницей). Константин, как известно, погиб во время взятия Константинополя турками. И если мы проследим дальнейший ход событий, то легко убедимся, что Либерея Ивана Грозного не более чем миф, веками будоражащий воображение дилетантов, а некоторыми профессиональными историками довольно успешно использовавшийся в собственных целях. Подтвердить этот тезис можно весьма убедительными фактами.

Софья Палеолог (ок. 1455–1503) – великая княгиня московская, вторая жена Ивана III, мать Василия III, бабушка Ивана IV Грозного. Реконструкция по черепу, С. А. Никитин, 1994 г.

Иван III Васильевич. Гравюра из «Космографии» А. Теве, 1575 год

Хорошо известно, что Константинополь турки взяли после кровопролитного штурма в мае 1453 года. Софье Палеолог тогда было 12–13 лет. А в Москву она приехала только в 1472 году. Где же она почти 20 лет хранила Либерею? Тем более что в момент падения Константинополя она вообще не находилась в городе. В Италию Софью привез отец Фома Палеолог, деспот Морей и младший брат императора.

Фома Палеолог (1409–1465) – византийский деспот Мореи (1428–1460); после гибели во время осады Константинополя старшего брата, императора Константина XI Палеолога, стал законным наследником византийского престола; отец жены Ивана III, великой княгини московской Софии Палеолог, дед Василия III и прадед первого царя всея Руси Ивана IV Грозного. Фрагмент фрески Пинтуриккио, посвящённой прибытию папы Пия II в Анкону; Сиенский собор

Древний Константинополь

Конечно, теоретически можно предположить, что библиотеку заранее эвакуировали в Морею... Только непонятно, чем Пелопоннес был надежнее Константинополя? Ведь в случае падения столицы, судьба полуострова была бы решена, хотя он и получил отсрочку на 7 лет. Зато потом турки вообще заняли его без боя. Но Константинополь, одна из сильнейших крепостей той эпохи и духовный центр православия, имел хоть какие-то шансы устоять перед турецким натиском при том, что значительная часть защитников дралась бы с воодушевлением, защищая от мусульман православные святыни. Морейский же полуостров не имел ни мощных укреплений, ни гарнизона, ни сильного военного флота, и защитить его в принципе было невозможно. Поэтому прятать там библиотеку и другие сокровища не было никакого смысла: они все равно очень скоро попали бы в руки турок. По логике подобных рассуждений, библиотеку надо было бы еще до осады Константинополя вывести в безопасную Италию, но вряд ли бы император, надеявшийся все же отстоять Константинополь, выпустил бы из своих рук это бесценное сокровище. Тем более что казну и прочие богатства из Константинополя накануне осады никто не вывозил. Почему же он должен был сделать исключение для Либерей? Да уж если бы и стал император все-таки эвакуировать библиотеку, он бы сразу передал или своим пусть и не очень надежным союзникам – генуэзцам и венецианцам или Папе Римскому как духовному авторитету западного мира, и совершенно не нуждался для этого в посредничестве своего брата.

Вступление Мехмеда II в Константинополь. Худ. Жан-Жозеф Бенжамен-Констан

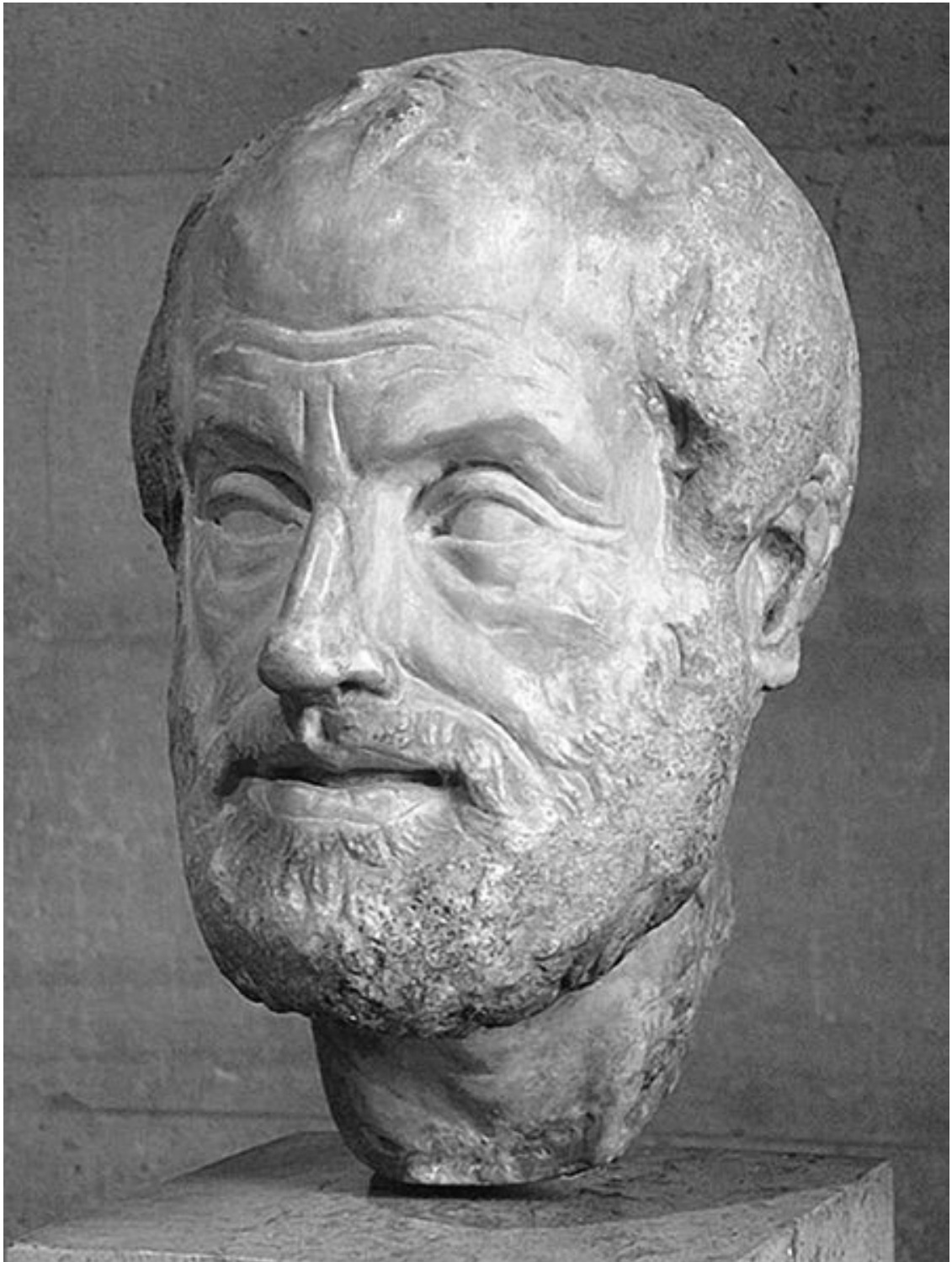

Султан Мехмет II, также известный как Магомет Великий, Магомет Завоеватель (1432–1481)

Всего в Константинополе было три библиотеки – Императорская, Патриаршая и Публичная. Последнюю мог посетить любой горожанин. После штурма 29 мая 1453 года султан Мехмет II отдал город своим войскам на трехдневное разграбление.

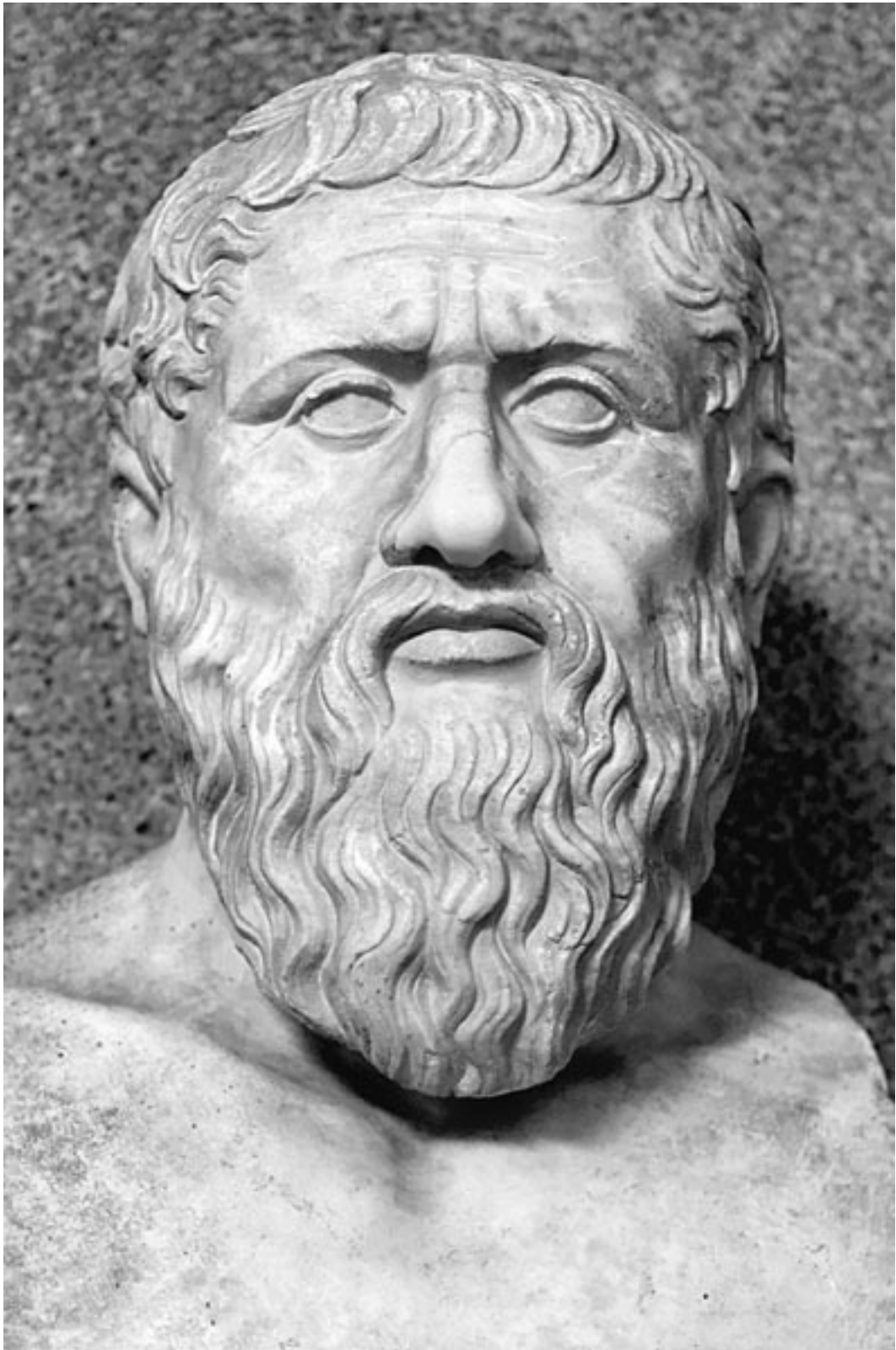
Историк Дука Византийский писал: «Спустя три дня после взятия города разрешил он, чтобы каждый корабль отправился в свою область и город, – неся такой груз, что глубоко погружались в воду. Многоценная одежда; сосуды – серебряные, золотые, медные, оловянные; книги

свыше числа... Все же книги, превосходящие всякое число, погрузив на повозки, рассеяли всюду на Восток и на Запад. За одну номисму десять книг продавалось: Аристотеля, Платона, богословских и всякого иного вида книг Евангелия с бесчисленными украшениями, сдирая золото и серебро, одни продали, другие бросили».

Аристотель (384–322 до н. э.) – древнегреческий философ, создавший всестороннюю систему философии, охватившую все сферы человеческого развития: социологию, философию, политику, логику, физику

Наверняка такая участь постигла и книги из Императорской библиотеки.

Платон (428 или 427 до н. э. – 348 или 347 до н. э.) – древнегреческий философ, ученик Сократа, учитель Аристотеля

Когда в 1460 году турки заняли Морею, Фома Палеолог с семейством перебрался из Пелопоннеса на северный греческий остров Керкира (Корфу), а затем в Рим. Там коллегия кар-

диналов выделила ему жилье и средства на пропитание. Источники упоминают, что на своих кораблях Фома вывез в Италию мебель и посуду, но о книгах летописи хранят дружное молчание. В Италии Софью Палеолог и ее семейство взял на содержание Папа Римский Пий II, от которого, равно как и от его преемника Павла II, в конце концов устроившего ее брак с московским князем, никак не удалось бы утаить существование Либереи и который вряд ли бы позволил увозить ее из Италии куда бы то ни было. Скрывать же существование великой библиотеки смысла не было. Наоборот, о ее чудесном спасении надо было бы возвестить всем христианам мира.

Папа Римский Пий II

Папа Римский Павел II

Умер Фома Палеолог в 1465 году. Вскоре скончалась и его жена Екатерина Заккария. Софья получила в Риме новое имя Зоя, приняв католичество, и вместе с братьями осталась на попечении святого престола.

По преданию, Фома Палеолог спас от турок великие реликвии христианства – голову апостола Андрея Первозванного и безымянный палец Иоанна Крестителя. Голова ныне хранится в Риме в соборе Святого Петра, а палец – в церкви Марии Сиенской. За это папа будто бы и платил Фоме пожизненную пенсию. Правда, современные этим событиям источники о

данном факте умалчивают, и не очень понятно, каким образом реликвии попали к Фоме. Но вот что не вызывает сомнения, так это то, что и в Италии денег семейству Палеологов хронически не хватало и что Фома постоянно жаловался на безденежье. Продажа пары фолиантов из императорской библиотеки легко решила бы все его финансовые проблемы. Любые рукописные книги в те «допечатные» времена были очень редки и дороги, а их переплеты и обложки инкрустировались драгоценными камнями и золотом и ценились порой больше, чем содержащиеся в них тексты (сегодня, конечно, ситуация была бы обратной: уникальные античные и средневековые тексты стоили бы на порядок больше самых дорогих обложек).

Собор Святого Петра в Риме, где хранится голова апостола Андрея Первозванного, спасенная от турок Фомой Палеологом

У римских пап были большие сложности с тем, чтобы пристроить Софью (Зою) замуж. Никто из приличных женихов королевской крови не горел желанием брать бесприданницу из рода императоров в бозе почившей Византийской империи.

Святой престол трижды пытался выдать Софью замуж, и все неудачно. А вот если бы ее приданым была Либерея, проблема решилась бы в одночасье. Только овдовевший в 1467 году великий князь московский Иван III после нескольких лет переговоров согласился взять бесприданницу.

Путь Софьи Палеолог на Русь был долг и проходил по маршруту Рим – Нюрнберг – Любек – Псков – Москва. Он начался 24 июня 1472 года, а закончился 12 ноября того же года. Это путешествие подробно описано в западноевропейских летописях, и никакие подводы с книгами там не фигурируют. Всего в обозе было 70 подвод. Если библиотека действительно насчитывала более 800 фолиантов, под нее пришлось бы занять едва ли не все подводы. А

ведь на них помещалась утварь и многочисленная свита. Софью сопровождали римские священники и отряд папских солдат. Когда обоз прибыл в Москву, местное православное духовенство хотело устроить диспут о вере с легатом Бонумбре, присланным папой Сикстом IV, но тот отказался, сославшись как раз на отсутствие под рукой необходимых книг. Если бы обоз вез в Москву Либерею, такая отговорка выглядела бы издевательством.

Но те, кто и сегодня искренне верит в существование Либереи, готовы зачислить в ее состав едва ли не все письменные сокровища древности. Вот что пишет, например, один из энтузиастов: «Тридцать тяжелых подвод, груженных сундуками с книгами, следовали за византийской принцессой через всю Восточную Европу. В этих сундуках, как свидетельствуют современники, хранились не только рукописные сокровища времен античности, но и лучшее из того, что удалось спасти при пожаре знаменитой Александрийской библиотеки. Из дворца базилевса в Константинополе в Москву были отправлены самые редкие папирусы времен египетских фараонов, глиняные клинописные таблички месопотамских царей, пергаменты из Финикии и Иудеи, рукописи мудрецов Индии и Китая и священные тексты Заратустры». Но в XV веке никто в мире не мог прочесть ни вавилонской клинописи, ни египетских иероглифов, так что соответствующие тексты не представляли никакого интереса для византийских императоров и они никогда не стали бы хранить их в своей библиотеке. Да и индийские и китайские рукописи были бы абсолютно бесполезны в Византии из-за незнания языков, поэтому в императорской библиотеке их бы хранить не стали.

Медведчики (развлечение). Старая Москва. Худ. Васнецов А. М., 1911. Такой увидела Москву византийская принцесса Софья Палеолог

По преданию, Софья (Зоя) Палеолог, выяснив по приезду в Москву, что столица деревянная (византийская принцесса, вероятно, думала, что третий Рим от второго Рима (Констан-

тинополя) не сильно отличается и что все москвичи живут в каменных домах), и беспокоясь не столько о себе, сколько о библиотеке, тотчас выписала из Италии знаменитого художника и архитектора Аристотеля Фиораванти и велела ему перестроить белокаменный Кремль, а под ним сделать тайник для Либереи. Там и должна была храниться библиотека. А к ней из царских покоев должен был вести тайный ход, чтобы царь в любой момент мог иметь под рукой нужную книгу. Правда, ни Иван III, ни его потомки на языках, на которых были написаны книги Либереи, читать не умели, так что книги им были без надобности, а посылать туда дьяков-толмачей прямо из царских покоев как-то странно Проще было поселить таких дьяков рядом с библиотекой и требовать у них по мере необходимости нужные справки.

При Иване III Московский Кремль обрел знакомый нам облик. Худ. Васнецов А. М.

На самом деле великого князя обратиться к помощи итальянского мастера заставило одно печальное событие, никак не связанное тем не менее с московскими пожарами. В 1474 году в Московском Кремле произошла ужасная катастрофа: рухнул почти построенный новый Успенский собор. Псковские мастера, осматривавшие обрушившееся здание, сделали вывод, что во всем виноват плохой раствор. Строители собора Кривцов и Мышкин возобновлять работы отказались, и великокняжеский посол Семен Толбузин был по совету Софьи Палеолог немедленно отправлен в Италию за подходящим специалистом. Там он и нашел Фиорованти, которого только что выпустили из римской тюрьмы, куда он попал по обвинению в изготовлении и сбыте фальшивых денег. Обвинение, к счастью для Фиорованти, не подтвердилось, иначе Кремль строил бы кто-нибудь другой, потому что фальшивомонетчикам, по обычаям того времени, заливали горло расплавленным свинцом, из-за чего они отдавали Богу душу, хотя, как сетовал позднее другой герой нашей книги, Яков Брюс, делали это недостаточно быстро и слишком мучительно. В итоге итальянский зодчий, подписав контракт, выехал в 1475 году в составе русского посольства Москву. Но в Кремле он построил только Успенский собор. Правда, есть предположения, что именно Фиорованти, знаменитому мастеру фортификационных работ, был заказан генеральный план новых стен и башен Кремля, которые планировалось

возвести вместо обветшавших белокаменных (которые, кстати сказать, были ничуть не более пожароопасными, чем позднейшие краснокаменные). Также Фиорованти приписывают устройство Пушечного двора (на месте нынешней Пушечной улицы). Но никаких прямых подтверждений, что Фиорованти действительно составил план перестройки Кремля, в том числе и разветвленных подземных галерей, нет. Помимо строительства Успенского собора, итальянский архитектор, как позднее Брюс, был начальником артиллерии русской армии, в том числе и во время похода Ивана III против Великого Новгорода.

Успенский собор

Василий III Иванович

Так что строительство нового Кремля в конце XV – начале XVI века, при ближайшем рассмотрении, оказывается никак не связанным с Либереёй.

Существует предание, что сын Ивана III и Софьи Палеолог Василий III Иванович привлек для перевода имеющихся в Либереё книг монаха Максима Грека. Переводя «Толковую Псалтирь», он будто бы заодно сделал и опись других книг Либереи. Это отражено в «Сказании о преподобном Максиме Философе». На него часто ссылаются сторонники версии о существовании кремлевского тайника с библиотекой. Но вот беда, сам Максим ни в одном из своих сочинений, которых набралось на три увесистых тома, ни словом не упомянул о Либереё. А сочинение неизвестного автора «Сказание о преподобном Максиме Философе, иноке со святой горы Афон» появилось примерно через сто лет после смерти своего героя, в конце XVI – начале XVII века. Там утверждается, будто Василий III решил составить опись книг, которые

его мать привезла на Русь. Но книги были на неведомых языках, и прочитать их никто не мог. Поэтому Василий попросил Константинопольского патриарха прислать «ученого человека». Прислали афонского монаха Максима Грека, которому в Москве и были предъявлены книги из византийской библиотеки. А чтобы ученый монах не разболтал этот секрет в Европе, его потом так и не отпустили из страны.

Афонский монах Максим Грек, якобы переводивший книги из знаменитой Либереи

На самом деле монах Максим, по прозвищу Грек, приехал в Москву по приглашению великого князя Василия III в 1516 году. Задача, однако, у него была вполне конкретная: перевести с греческого языка только одну книгу – «Толковую Псалтырь», и ни о какой Либерее речи не шло. Максим нашел массу разночтений оригинального текста Псалтыри с теми списками,

которые ранее ходили на Руси. Московскому духовенству это не понравилось. А еще больше не понравилось, что Грек активно проповедовал идею нестяжательства – «бедной, но чистой церкви». Приезжий инок публично обвинял православных иерархов и настоятелей монастырей в стяжательстве, и его проповеди приобрели значительную популярность. И совсем уж верхом нахальства показалось православным иерархам осуждение Максимом Греком самого великого князя Василия III за то, что тот развелся с первой женой и собрался вступить в новый брак. В результате от «книжного дела» вольнодумца отлучили и заточили в монастыре, обвинив в ереси, шпионаже и неповиновении властям. Ни о каком переводе книг из Либереи речи вообще не заходило, и никто Греку никаких книг, кроме «Псалтири», не предъявлял. И из страны его не отпустили исключительно из-за крамольных речей, а совсем не для того, чтобы скрыть сам факт наличия в Москве знаменитой библиотеки византийских императоров. Скрывать наличие у них Либереи не было никакого смысла ни Ивану III, ни Софье Палеолог, ни Василию III, ни Ивану IV Грозному. Наоборот, имей в своем распоряжении эту библиотеку, русские великие князья и цари вообще должны были кричать об этом на весь мир. Ведь данный факт стал бы серьезным подспорьем для теории Москвы – Третьего Рима, официальной доктрины Московского государства в XVI веке. Она, как известно, была сформулирована в начале XVI века монахом Филофеем, который писал: «Два убо Рима падоша. А третий стоит. А четвертому не быти». При желании можно было бы нанять переводчиков с латыни и греческого в той же Италии, как нанимали там архитекторов и художников или как нанимали в Германии ремесленников и специалистов по военному делу. Скрывать от мира библиотеку, повторим, не было никаких причин. Ведь этот факт способен был только существенно повысить престиж Русского государства.

Что показательно, ни в одном документе XV века нет никаких сведений о том, что Софья Палеолог привезла в Москву библиотеку византийских императоров и что она вообще была хоть как-то связана с этой библиотекой.

Но, что характерно, греческим послам, приезжавшим в Москву незадолго до начала правления Ивана Грозного, показывали как великую реликвию одну единственную книгу, принадлежавшую Софье Палеолог. Не могли же им пускать пыль в глаза и скрывать тот факт, что в действительности этих книг у княгини было несколько сотен. Да и откуда у Софьи Палеолог могла бы взяться Либерея? Ведь, повторим, у последнего византийского императора не было никаких причин отдавать свою библиотеку ее отцу – деспоту Мореи.

Следующее упоминание Либереи относится ко времени сразу после Ливонской войны. Во время этой войны в Россию привезли пленных ливонцев и расселили по разным городам, в основном во Владимире. Их будто бы сопровождал пастор Иоганн Веттерман из Дерпта. Царь встретился с ним в Александровой (Александровской) слободе и предложил заняться переводом древних книг на русский язык. И похвалился перед ливонцем своей Либереей, о которой в Европе ходили легенды. Веттерман был потрясен редчайшими книгами, которые он увидел, и даже составил их список, но от высокой чести переводить раритеты вежливо отказался, поскольку боялся, что царь заставит его заниматься переводами до самой смерти и не отпустит на родину.

Приключения Веттермана были описаны в начале XVII века, но не им самим, а рижским бургомистром Францем Ниенштедтом в его «Ливонской Хронике» через 30 лет после возвращения пастора на родину. Здесь приведен рассказ пастора, переселившегося из завоеванного Дерпта в Москву. Пастор был человеком образованным, благочестивым, знавшим несколько языков, в том числе и греческий. «Его, как ученого человека, очень уважал Великий князь, который даже в Москве велел показать ему свою Либерею – библиотеку, которая состояла из книг на еврейском, греческом и латинском языках и которую Великий князь в древние времена получил от константинопольского Патриарха, когда москвит принял христианскую веру по

греческому исповеданию. Эти книги, как драгоценное сокровище, хранились замурованными в двух сводчатых подвалах».

Эту легенду опроверг еще в конце XIX века известный российский историк Сергей Белокуров. В XVI веке имена всех иностранцев, встречавшихся с царем, заносили в особые списки. Никакого пастора Веттермана там нет, как нет и никаких данных, что такой человек действительно посетил Москву. Если Иоганн Веттерман и побывал тогда на Руси, то, вероятно, все время находился во Владимире.

Как раз к началу XVII века в Европе начали распространяться слухи, что на Руси, возможно, находится библиотека византийских императоров. К тому времени Москва активно заявляла о себе как о «третьем Риме»: только что окончилась Ливонская война – первая, хотя и неудавшаяся попытка Ивана Грозного вмешаться в европейскую политику. В Европе было хорошо известно о том, что московские цари являются потомками византийской принцессы. Отсюда и вытекало чисто логическое предположение, что в Москве может находиться библиотека византийских императоров, о судьбе которой ничего не было известно со времен падения Константинополя. Многим ученым людям хотелось верить в ее чудесное спасение. Но их тут же постигло разочарование. Папский Нунций Петр Аркудий, приехавший в Россию в 1600 году для поиска греческих и латинских рукописей, могущих представлять интерес для Ватикана, попытался проверить слух о «Либерее Ивана Грозного». Однако очень скоро он пришел к выводу, что ее никогда и не существовало, «поскольку русские князья отличались своей необразованностью». В Европе с тех пор страсти по Либерее поутихли.

Тем не менее до сих пор некоторые олссийские исследователи полагают, что список Веттермана был найден в 1822 году, когда профессор римского права Дерптского университета Христиан Дабелов попросил городские архивы Эстляндии прислать ему интересные исторические рукописи и документы. Из Пернова (Пярну) ему будто бы пришел пакет, где лежали два листочка. Текст был написан на старонемецком языке почти выцветшими чернилами. И когда профессор его прочел, то понял, что имеет дело с мировой исторической сенсацией. В 1822 году в статье «О юридическом факультете в Дерпте» Дабелов опубликовал выдержку из документа, названного им «Указателем неизвестного лица». Это был список рукописей только юридического содержания, некогда находившихся, по его словам, в библиотеке русского великого князя или царя.

В каталоге говорилось о 800 книгах, но названия были указаны не у всех. В дальнейшем выяснилось, что среди книг упоминались не только юридические, но и исторические, философские и поэтические сочинения, в том числе 142 тома «Римской истории» Тита Ливия (до наших дней сохранилось 35 томов); Цицерон, «Де республика» (сохранились отрывки) и восемь книг «Историариума» (это сочинение до сих пор неизвестно); 20 томов «Истории» Публия Корнелия Тацита (сохранились четыре тома и отрывки из пятого); «Светониевы истории о царях... Тацитовы истории. Вергилия Энеида и Итх...» «Итх...», как сразу понял профессор, – это «Итхифалеика», популярная среди современников Вергилия, но давно уже считавшаяся утерянной. Кроме известных гимнов Пиндара, библиотека содержала и другие его стихотворения, о которых не знал никто. Среди греческих книг были упомянуты «Полибиевы истории» (всего их было 40 томов, до нашего времени дошли пять; сколько было в библиотеке русского царя – неизвестно). В списке фигурировали: «Базилика, новелла конституционес. Каждая рукопись также в переплете», «Гефестионова географика», «Оратории и поэмы Кальвуса», «Юстинианов кодекс конституций и собрание новелл». Многие из перечисленных книг были частично или полностью утрачены, о некоторых ученые узнали лишь из списка Дабелова.

В отличие от пастора Веттермана, который то ли существовал, то ли был придуман Ниенштедтом, Дабелов был лицом вполне реальным и уважаемым в научных кругах. Вот что сообщалось о нем в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона: «Дабелов (Христофор Христиан, барон фон Dabelow, 1768–1830) – профессор в Галле и Лейпциге;

с 1819 г. профессор римского и германского права в Дерпте. Его сочинения: «Versuch einer ausführlichen Erläuterung der Lehre von Concurs der Gläubiger» (1792-93); „Geschichte sämtlicher Quellen gemeinen positiven Rechts“ (1797); „Ueber die Verjährung“ (1805—7); „Handbuch des Pandektenrechts“ (1816—18)».

Дабелов работал в библиотеках и архивах Италии и Франции, Гёттингена и Гейдельберга. Он написал: «Очерки по истории Римского государства и его права», «Историко-догматические очерки древнегерманского частного права», «Древнеримское право» и ряд других вполне академических сочинений.

Сделав копию со списка, Дабелов отправил документ обратно в Пернов. Другой немецкий профессор Вальтер Клоссиус в 1826 году приехал в Пернов, чтобы прочесть список в подлиннике, но никаких следов его не нашел. Потом Клоссиус долго и безуспешно искал Либерею в Москве.

Сообщение Дабелова, вероятно, так и затерялось бы на многие годы, если бы им не заинтересовался молодой ученый Фридрих-Вальтер Клоссиус (1795–1838). Он изучал право в Тюбингенском университете и приобрел авторитет в ученых кругах благодаря сенсационной находке в миланской Амброзианской библиотеке новых отрывков из «Юридического кодекса» императора Феодосия. В апреле 1824 года он стал ординарным профессором кафедры уголовного судопроизводства, истории, права и юридической словесности Дерптского университета и познакомился с Дабеловым, который, в свою очередь, рассказал ему об описи библиотеки русских царей. В ноябре 1824 года в письме к одному из своих коллег Клоссиус сообщал, что «существует рукописный каталог библиотеки князя Ивана Васильевича Великого, супруга принцессы Софьи, племянницы последнего греческого императора. Этот князь купил много рукописей на Востоке». Дабелов утверждал, что отослал оригинал списка обратно в Пернов. Клоссиус отправился туда, но в местном архиве ему заявили, что ни о каком профессоре Дабелове не знают и никаких каталогов царских библиотек у них нет и никогда не было.

А в 1834 году, незадолго до смерти, Клоссиус опубликовал статью «Библиотека великого князя Василия Иоанновича и царя Иоанна Васильевича». В ней была впервые опубликована «Записка анонима» и подробный рассказ о ее находке. По утверждению Клоссиуса, Дабелов в Дерпте занимался поиском материалов по истории ливонского права и «получал с разных сторон документы, которые сообщались ему частью от разных посторонних лиц». В 1826 году Клоссиус узнал от Дабелова, что среди этих бумаг находились четыре «связки или тетради», обозначенные им как «Collectanea Pernaviensia». Одна из них «была писана не одною рукою, а разными почерками, на бумаге разных форматов, большего и меньшего, и, по-видимому, состояла из документов, которые были сшиты вместе без всякого порядка». Среди этих документов, относящихся к истории Дерпта и Пярну, «находилось на 1,5 или 2 листах известие одного дерптского пастора, который имел в своих руках рукописи московского царя». Оно «было написано на простонародном немецком наречии... мелкими буквами и чрезвычайно нечетко, желтыми некрасивыми чернилами и на бумаге, также совсем пожелтелой».

В статье Клоссиус привел текст сообщения дерптского пастора, переданный ему Дабеловым:

«Сколько у царя рукописей с Востока.

Таковых было всего до 800, которые частью он купил, частью получил в дар. Большая часть суть греческие, но также много и латинских. Из латинских видены мною:

Ливиевы истории, которые я должен был перевести.

Цицеронова книга de republica и 8 книг Historianim.

Светониевы истории о царях, также мною переведенные. Тацитовы истории.

Ульпиана, Палиниана, Павла и т. д. Книга Римских законов. Юстиновы истории.

Кодекс конституций императора Феодосия. Вергилия Энеида и Ith.

Calvi orationes et poem.

Юстинианов кодекс конституций и кодекс новелл.

Сии манускрипты писаны на тонком пергамене и имеют золотые переплеты.

Мне сказывал также царь, что они достались ему от самого императора и что он желает иметь перевод оных, чего, однако, я не был в состоянии сделать.

Саллюст[ия] Югурт[инская] война и сатиры Сира. Цезаря комментарий de bello Gallico и Кодра Epithalam.

Греческие рукописи, которые я видел, были:

Полибиевы истории.

Аристофановы комедии.

Basilica и Novellae Constitutiones, каждая рукопись также в переплете.

Пиндаровы стихотворения.

Гелиотропов Gynothaet.

Гефестионовы Geographica.

Феодора, Афанасия, Lamoretii и других толкования новелл.

Юстиниановы] зак[оны] аграр[ные]. Zamolei Matheimtica. Стефанов перевод пандектов... реч (и) и... Нудг.

...пиловы Истории. Кедр... Char и эпиграммы Nuphias Nехарод и Evt».

Такая передача списка с пропусками нерасшифрованных мест наряду с отдельными расшифрованными фрагментами слов должна была убедить научный мир в добросовестности Клоссиуса и Дабелова, сделавшего копию со списка дерптского пастора. Не должно было остаться никаких сомнений в том, что Дабелов лично держал в руках знаменитый список.

Далее Клоссиус писал, что по приезде в Дерпт в 1824 году первым делом стал искать оригинал «Рукописи профессора Дабелова», «ибо я предполагал вместе с г. профессором Дабеловым, что оный находится в архиве перновского городского совета». Однако поиски оказались тщетными: даже старые архивисты не могли припомнить указанной связки. Не значилась она и ни в одной из описей. «Осведомления мои в других местах остались без всякого успеха... я принужден был вовсе отказаться от надежды увидеть собственными глазами этот достопримечательный документ», – признавался Клоссиус.

Первым усомнился в подлинности «Рукописи профессора Дабелова» историк Н.П. Лихачев

Перечень книг библиотеки московского царя произвел сильнейшее впечатление на научную общественность. Главным было то, что в списке фигурировали авторы и произведения, не только ранее широко известные («История» Тита Ливия, «Жизнь цезарей» Светония, «История» Тацита, «Энеида» Вергилия, «Югуртинская война» Саллюстия, «История» Полибия, «Комедии» Аристофана, «Песни» Пиндара), но и малоизвестные, а то и вовсе неизвестные («О республике» и 8 книг «Истории Цицерона, «Оратории и поэмы» Кальвина, «Сатиры» драматурга Сира, «Корпус» Ульпиана, Папиана и Павла, «Gynothaet» Гелиотропа и др.).

Первым усомнился в подлинности «Рукописи профессора Дабелова» историк Н.П. Лихачев. 19 марта 1893 года, выступая с докладом в Обществе любителей древней письменности о библиотеке московских царей, он обратил особое внимание на «странную забывчивость Дабелова» насчет «Записки анонима». Подозрительным выглядело то обстоятельство, что Дабелов, имея в своих руках список, так и не предал огласке его полное содержание, да к тому же ухитрился потерять оригинал, что для столь опытного архивиста было совсем уж непростительным.

В книге, вышедшей в 1895 году, Лихачев подробно разобрал «Рукопись профессора Дабелова». Он особо подчеркнул факты, ставящие под сомнения ее достоверность. Особенно подозрительным и невероятным было то, что перечень сочинений и авторов, имевшихся, согласно «Рукописи профессора Дабелова», в библиотеке московских царей, удивительно совпадал с тем, что стало известно об этих сочинениях и авторах в зарубежной научной литературе в 1822–1826 годах. Дабелов тщательно скопировал перечень книг библиотеки, вплоть до указания многоточием непрочитанных слов и даже отдельных букв оригинала, но при этом не стал копировать начало рассказа неизвестного дерптского пастора и даже ухитрился забыть его имя. Впоследствии Дабелов лишь утверждал, что этот пастор был не Веттерман. «Самая забывчивость Дабелова относительно имени пастора, – заключал Лихачев, – с скептической точки зрения объясняется сложностью человека, знакомого, с какой тщательностью немцы разрабатывают свою историю: у немцев и пасторы XVI столетия могли оказаться на счету». Очевидно, Дабелов вообще сомневался, что пастор Веттерман существовал в действительности, подозревая, что Ниенштедт его просто выдумал. Создавая свою подделку, Дабелов, безусловно, ориентировался на сообщение Ниенштедта, но придумать новое имя пастора не рискнул.

Критику сообщений Дабелова и Клоссиуса относительно библиотеки Ивана Грозного продолжил известный русский историк Сергей Алексеевич Белокуров

Критику сообщений Дабелова и Клоссиуса насчет библиотеки Ивана Грозного продолжил известный русский историк Сергей Алексеевич Белокуров. Он обратил внимание на то, что из «Записки анонима» абсолютно не ясно, о библиотеке какого московского царя в ней идет речь. «Записка» написана таким образом, что упоминаемый в ней царь может быть отнесен не только к XVI, но даже к XVIII веку. Таким образом автор записки страховался от возможной научной критики. Во-первых, в этом случае поиски пастора, будто бы составившего записку, теряли смысл. Во-вторых, в случае, если бы лингвистический анализ выявил бы в записке какие-либо анахронизмы по отношению, например, к XVI веку, всегда можно было бы возразить, что опись могла быть написана в XVII или даже в начале XVIII века. «Весьма странно» показалось Белокурову также и то, что не сохранился ни один из сделанных дерпт-

ским пастором переводов, о которых ни слова нет в известных источниках. Наконец, отметил Белокуров, «вселяет недоверие к рассказу» анонима тот факт, что в опись попали только редкие и известные по упоминаниям в источниках начала XIX века рукописи, хотя в царской библиотеке наверняка должны были быть и самые обыкновенные книги, в том числе богослужебные. По убеждению Белокурова, фальсификатор «Рукописи профессора Дабелова» положил ее основу известие Веттермана, впервые опубликованное в труде историка И.Г. Арндта в середине XVIII века. Значит, подделка никак не могла быть изготовлена раньше этого времени.

По предложению Белокурова в 1895 году прибалтийские ученые обратились через газету с просьбой помочь в поисках оригинала «Рукописи профессора Дабелова». Поиски во всех архивах и библиотеках Прибалтики оказались тщетными. И С.А. Белокуров пришел к выводу, что никакой библиотеки Ивана Грозного никогда не было. Ведь хорошо известно, что в эпоху Ивана III, как и позднее, на протяжении всего XVI века, на Руси, как и в Европе, было еще довольно мало бумажных книг, как рукописных, так и печатных. В библиотеках хранились главным образом пергаментные свитки – книги, очень редкие и дорогие изделия, у каждой из которых была своя история происхождения и странствия по библиотечным собраниям. Появление же сразу сотен прежде неизвестных и нигде не учтенных раритетов в составе легендарной Либереи выглядит совершенно невероятным.

Серьезные аргументы в пользу того, что рукопись Дабелова является подделкой, выдвинул историк-архивист В.П. Козлов. Он обратил внимание, что в сообщении Клоссиуса есть хронологические неувязки. Профессор недвусмысленно признается, что по приезде в Дерпт в 1824 году его первым желанием было найти оригинал «Записки анонима». Однако из дальнейшего изложения событий следует, что сам Дабелов в 1820 году уже разыскивал его, а их совместные поиски относятся только к 1826 году, поскольку именно этим годом Клоссиус датировал описание рукописи, сделанное для него Дабеловым. Ранее же он просто не мог искать рукопись, поскольку понятия не имел, как она выглядит.

И неслучайно в первом известии Дабелова о «Записке анонима» говорится только о рукописях юридического содержания из библиотеки московского царя. Выдумать рукописи из других областей знаний, реально существовавшие, но утраченные, ему было не под силу из-за недостатка эрудиции. Зато документ, опубликованный Клоссиусом, уже содержал перечень не только юридических, но и исторических и литературных сочинений античности, что породило серьезные подозрения, что Клоссиус существенно доработал «Записку анонима» после 1822 года. Многие включенные в нее сочинения соответствуют тому, что стало о них известно в 1822 году или позже. Так, в опубликованной им описи упоминаются «Светониевы истории о царях» и утверждается, что безвестный немецкий пастор их перевел. Интересно, что еще хронист П. Иовий в своей книге о Московском царстве, изданной в 1600 году, сообщил, что русским известен перевод «Истории римских императоров», под которой явно подразумевалось сочинение Светония. В «Рукописи профессора Дабелова» упоминается «Цицеронова книга de republica и 8 книг Historiarum». Если о «Historiarum» ничего неизвестно и поныне, то о «de republica» первое известие появилось именно в 1822 году, когда были впервые опубликованы найденные фрагменты этого сочинения, и уже в следующем году появился их французский перевод. В 1825 году сообщение об этом было опубликовано в России П.И. Кеппенем, заявившим: «Мы не теряем надежды, чтобы случай, а особливо усердие почтенных соревнователей истинного просвещения не открыли нам рукописи, коею погибель можно бы почесть существенною потерей для классической литературы, а утайку – литературным преступлением».

Возникает еще один вопрос. Почему, если такое большое количество весьма ценных, но не дошедших до наших дней книг хранилось в библиотеке византийских императоров, цитаты из них не встречаются в трудах византийских историков, в том числе придворных хронистов, наверняка имевших доступ к императорской библиотеке?

В начале XIX века наиболее полный свод известий о библиотеке был помещен в «Истории» Карамзина, в ее первых девяти томах, вышедших в 1818–1821 годах. В частности, в 9-м томе цитировался рассказ о дерптском пасторе Веттермане: «Царь отменно уважал сего добродетельного мужа (Веттермана) и велел ему разобрать свою библиотеку, в коей Веттерман нашел множество редких книг, привезенных некогда из Рима, вероятно, царевною Софиею». Карамзин наивно уверял читателей, что собирание древних рукописей имело в России давние традиции, создавая у них преувеличенное представление об уровне распространения книжной культуры в России. Причем, по утверждению Карамзина, эти традиции касались исключительно греческих рукописей. Их будто бы в больших количествах привозили греки, их охотно приобретали великие князья (не знавшие часто толком даже русскую грамоту!). Русский историк не обращал внимание на тот факт, что при дворе Софьи Палеолог как особо ценный раритет показывали единственную греческую рукописную книгу. Карамзин рассказал о том, как Василий III, желая перевести греческие сочинения, пригласил в Россию православного инока Максима Грека (на самом деле речь шла об одной только «Псалтыри»). А вот в «Рукописи профессора Дабелова» говорится, что по просьбе «царя» неизвестный пастор перевел или должен был перевести латинские книги.

Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) – выдающийся историк, крупнейший русский литератор. Автор «Истории государства Российского» наивно уверял читателей, что соби- рание древних рукописей имело в государстве давние традиции, создавая у них преувеличен- ное представление об уровне распространения книжной культуры в России

По мнению В.П. Козлова, автор «Записки анонима», в противоположность Карамзину, стремился подчеркнуть интерес русских царей именно к латинским рукописям. Например, Карамзин сообщал, что Максим Грек увидел в библиотеке Василия III греческие рукописи в пыли, а аноним развил это утверждение в том смысле, что латинские книги, напротив, нахо-

дились в прекрасном состоянии и имели даже золотые переплеты, что указывало на особую заботу и интерес к ним.

В.П. Козлов выяснил также, что еще в XVIII веке в Европе стало известно сочинение Веспасиано да Бистиччи «Жизнеописания замечательных людей XV века». Рассказывая о жизни герцога Федерико Урбинского, автор отметил, что тот «прочел и часто перечитывал поэтов и исторические сочинения Ливия, Саллюстия, Квинта Курция, Юстина, комментарии Цезаря, которые без конца восхвалял; прочитал все сорок восемь жизнеописаний Плутарха в разных переводах; Эмилия Прода, Корнелия Тацита, Светония «Жизнь двенадцати цезарей...». Безмерно почитая латинских и греческих авторов, как духовных, так и светских, он замыслил то, что тысячу лет не замыслил ни один из государей, а именно: устроить библиотеку...». Вероятно, с этого прототипа был списан образ мудрого и могущественного московского царя, страстного коллекционера древних греческих и латинских авторов.

Федерико да Монтефельтро (1422–1482) – герцог Урбино, собравший при своём дворе большое количество деятелей искусства и науки и, вероятно, послуживший прототипом для образа мудрого и могущественного московского царя, страстного коллекционера древних греческих и латинских авторов. Худ. Пьеро делла Франческа, 1472 (Федерико потерял глаз на рыцарском турнире, поэтому всегда позировал в профиль)

Автором фальсификации мог быть только Дабелов, а его полноправным соавтором и продолжателем – Клоссиус. Наиболее вероятным мотивом изготовления поддельного списка кажется стремление убедить власти в необходимости разрешить проведение широкомасштабных археологических раскопок в Кремле с целью найти легендарную Либерею. Что-нибудь меньшее вряд ли бы убедило императора в необходимости тревожить покой кремлевских палат. Кроме того, поиски упомянутых в «записке Дабелова» рукописей были хорошим предлогом для работы во всех российских библиотеках и архивах, где можно было рассчитывать найти если и не неизвестные сочинения Тита Ливия и Цицерона, то, по крайней мере, что-то достаточно ценное. В 1824 году Клоссиус связался с главой Русской археографической комиссии графом Н.П. Румянцевым, предлагая ему «сделать путешествие по всей России и первым плодом оного издать полное описание состояния всех в России библиотек и хранящихся в них сокровищ, подобно тому, как поступил Блуме в отношении к библиотекам итальянским». Для Клоссиуса «Записка Дабелова» была средством заинтересовать российские власти возможностью находок мирового значения. И в 1825 году он действительно получил «высочайшее дозволение» на осмотр «русских хранилищ».

Нельзя сказать, что фальсификатор что-то выдумал. Как будто все факты в «записке Дабелова» правдоподобны и, в принципе, могли бы иметь место в действительности. Вполне вероятно, в частности, что многие рукописи, упомянутые в записке, когда-нибудь еще отыщутся, правда, скорее всего – не в России. Но сама концентрация в одной полторастраничной записке такого количества уникальных фактов и вызывает самые большие сомнения в ее подлинности. В то же время полная неопределенность деталей затрудняла критику этих фактов и разоблачение подделки. Особенное же впечатление на протяжении почти двух веков «записка Дабелова» производила на чиновников, не владеющих приемами исторической критики.

Добавим, что сами по себе поиски Либереи способствуют облагораживанию облика царя Ивана Грозного, будто бы осознавшего исключительную ценность библиотеки и позаботившегося о ее надежном сохранении для грядущих поколений. Творец опричнины якобы сознавал, что современникам библиотека пока что принесет немного пользы (мало кто тогда в Московской Руси знал латынь и греческий), зато потомки, освоив языки, сполна реализуют этот духовный золотой запас. Придерживающиеся этой точки зрения историки обыкновенно аттестуют предполагаемого владельца Либереи блестящим писателем и мыслителем своего времени (так и пишут: «начитанный интеллигентный царь, один из умнейших и добрейших людей своего времени» – так и хочется, чтобы автор попал в руки опричников: они бы показали ему «умнейшего» и «добрейшего»), закрывая глаза на его злодеяния. Зато другие историки именуют царя Ивана кровавым палачом и безграмотным невеждой и, как правило, сомневаются в существовании Либереи.

Князь Андрей Михайлович Курбский (1528–1583) – русский полководец, политик и писатель; происходил из смоленско-ярославской линии Рюриковичей. В 1564 г. в разгар Ливонской войны перешёл на сторону противника и поселился в великом княжестве Литовском. Вёл с русским царём знаменитую переписку и, судя по царским письмам князю Курбскому, Иван Грозный богослужбные книги читал, хотя древних языков не знал

Судя по царским письмам князю Курбскому и другим адресатам (пусть даже письма писали писцы, а их текст могли предварительно составлять тогдашние спичрайтеры – дьяки), царь кое-какие богослужebные книги читал, хотя древних языков не знал. Ну, для этого толмачи имелись. Какая-то библиотека у царя, несомненно, была, но была ли это действительно легендарная библиотека византийских императоров, будто бы спасенной из захваченного турками Константинополя?

О существовании тайников в Кремле разговоры шли очень давно. Еще в мае 1499 года Иван III приказал итальянскому архитектору Алевизу Новому «заложити двор свой камен, палаты каменные и кирпичные, а под ними погреба и ледники, на старом дворе у Благовещения...» В XVI столетии рядом с этими постройками появился дворец Ивана Грозного. От того времени дошли до нас два известия о существовании тайников. Английский посол Антон Дженкинсон свидетельствовал о том, что однажды на аудиенцию к Ивану IV его вели по тайному ходу. А англичанину Джерому Горсею Иван Грозный в 1581 году лично подарил Библию из своей библиотеки. Теперь она хранится в Британском музее.

Иван Грозный показывает сокровища английскому послу Горсею. Худ. Литовченко А. Д.
Джерому Горсею Иван Грозный в 1581 году лично подарил Библию из своей библиотеки

Красная площадь во второй половине XVII века. Худ. Васнецов А. М., 1925

Первые поиски Либереи в Кремле относятся к эпохе Петра Великого. В 1724 году пономарь московской церкви Иоанна Предтечи Конон Осипов написал в Канцелярию Фискальных дел в Петербурге *доношение*, где заявил, что в подземелье Кремля имеются «две палаты», заставленные до потолка сундуками с неизвестным содержимым. На них «замки вислые превеликие, печати на проволоке свинцовые; и у тех палат по одному окошку, а в них решетки без затворок». На допросе Осипов показал, что узнал все это от дьяка Василия Макарьева, бывшего при смерти. Макарьев наткнулся на хранилище во времена царевны Софьи. Тайники располагались возле Тайницких ворот, и выходил Макарьев в Круглую башню на реке Неглинной.

Сенат решил провести раскопки у Тайницких ворот на Житном дворе, на площади против Иностранной коллегии, напротив колокольни Ивана Великого, у Цейхгаузской стены в Круглой башне, в Тайницких воротах. Петр I, интересуясь древностями для Кунсткамеры, повелел Осипову найти сей ход. Ничего достойного внимания не нашли. Через 10 лет Осипов опять обратился в Сенат, попросив денег и 20 рабочих-арестантов. Но тут обнаружили, что пономарь скрыл факт первых раскопок, а в своей церкви еще и проворовался, и надеялся казенными деньгами покрыть недостачу. Раскопки запретили, Осипова наказали, о тайниках забыли.

Тайницкая башня

Теремной дворец

Стоит отметить, что напрямую о библиотеке во время этих поисков речь не шла. Не исключалось, что в сундуках, будто бы виденных Макарьевым, могут находиться золото, драгоценности или посуда, а не только книги.

В конце XIX века немецкий филолог Эдуард Тремер из Страсбурга с разрешения императора Александра III специальным зондом исследовал землю под сооружениями Московского Кремля, но ничего достойного внимания не нашел. Он только высказал надежду, что палаты с книгами располагались в подземной части ныне существующего Теремного дворца. Последний был построен в 1635–1636 годах на основе палат Ивана IV. Уезжая из России, Тремер сказал: «Наука отблагодарит Россию, если ей удастся отыскать свой потерянный клад». Он обнаружил останки дворца Василия III, но не нашел подземных ходов. Тремер первым высказал мысль, что книги хранятся под землей, поскольку следов Либереи не нашлось ни в одном российском архиве. Так что найти ее можно было либо под землей, либо замурованной в какую-то из кремлевских построек. Но стены ломать в Кремле археологам вряд ли разрешили бы, так что оставалось уповать на подземную археологию. Но для раскопок на территории Кремле тоже требовалось разрешение первых лиц государства.

Директор Исторического музея князь Щербатов (1853–1929)

Троицкая башня

Летом и осенью 1894 года тайник искал директор Исторического музея князь Щербатов. Он вскрыл пол в Благовещенском соборе, искал подземелья под Грановитой палатой, Тайницкой и Боровицкой башнями. Князю удалось найти только старые подвалы с хозяйственной утварью. Он раскопал двухъярусные подземелья под Троицкой башней, расчистил от глины и мусора тайный ход, соединяющий Угловую Арсенальную и Никольскую башни, а также под-

земный ход и такую же палату, случайно найденные у Никольской башни, но продолжению раскопок помешала смерть Александра III, разрешившего раскопки. Николай II, в отличие от своего отца, интереса к поискам Либереи не проявил, возможно, потому, что сильно сомневался в ее существовании.

Угловая Арсенальная башня

Никольская башня

Подземелья под Грановитой палатой

Благовещенский собор

Боровицкая башня

В начале XX века поисками Либереи занялся киевский археолог-энтузиаст Игнатий Яковлевич Стеллецкий. В 1907 году он поступил в Московский археологический институт, а в дальнейшем стал действительным членом Императорского русского военно-исторического общества и Императорского московского археологического общества. Игнатий Яковлевич много занимался изучением церковной старины Москвы.

Стеллецкий Игнатий Яковлевич (1878–1949) – выдающийся российский и советский археолог, историк, исследователь подземной Москвы, зачинатель диггерского движения в России

В 1909 году Стеллецкий обследовал подземные ходы в Донском и Новодевичьем монастырях и ряда зданий XVI–XVII веков. Он составил план подземной Москвы, исходя из идеи, что все подземные сооружения под зданиями XVI–XVII веков в пределах Садового кольца связаны между собой и с Кремлем сетью лабиринтов. По мнению Стеллецкого, «из царских теремов, где-то из подвала, был спуск в подземелье, в царскую казну. Входной люк в подземелье вскоре после смерчи Грозного был, видимо, заделан, навсегда затерян и забыт... Из теремов ход вел в царскую казну – большую подземную палату, в какую расширился тоннель между Благовещенским, Архангельским и Успенским соборами. Палата была наполнена ящиками с книгами, под нею имелось нижнее помещение, на что указывает архивная терминология «с двумя сводами» и факт существования двойных палат под Кремлем, например, под Троицкой башней, где из нижнего яруса ведет подземный ход под Кремль... От библиотечной палаты ход направлялся в два противоположных конца: к Тайницкой и Собакиной башням. У последней выход вел в старый Точильный ряд, на берегу Неглинки, имея, кроме того, ответвление под Никольскую башню и направляясь отсюда под Исторический музей в Китай-город».

Собакина башня

Другие археологи в это не верили, и не без оснований. Трудно поверить, что русские цари в то время тратили бы столько сил и средств на затею, не имевшую какого-либо практического значения. До метро ведь было еще 300–400 лет.

Вид на соборную площадь Московского Кремля. Худ. Джакомо Кваренги, 1797

Библиотекой Грозного Стеллецкий заинтересовался еще в 1908 году. Он собрал все материалы, имевшие отношение к библиотеке Ивана Грозного и поверил, что Либерея существует. И в ее поисках по кремлевским подземельям прошел дальше своих предшественников и в прямом, и в переносном смысле, но практически ничего не нашел. Вернее, нашел на удивление мало. Эти раскопки нашли отражение в ярком и эмоциональном дневнике Стеллецкого, одержимого убежденностью, что Либерея существует, что она где-то в Кремле, совсем рядом, что до нее буквально рукой подать. Поэтому мы подробнее остановимся на истории его раскопок, опираясь главным образом на книгу журналистки и историка Т.М. Белоусовой «Тайны подземной Москвы».

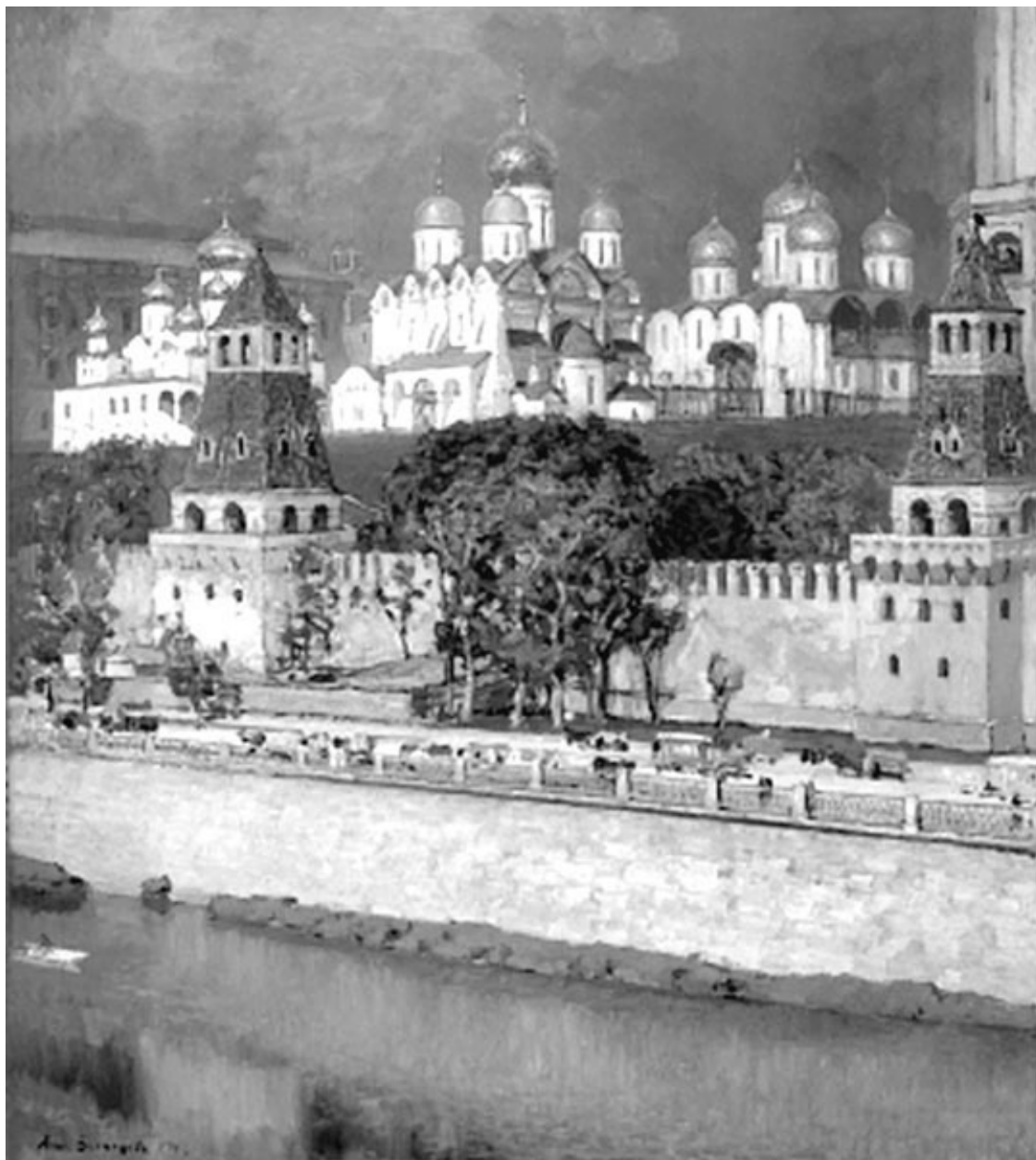
В 1913 году Стеллецкий ездил в Пярну и будто бы нашел там знаменитый список Дабелова, да еще с подписью W (Веттермана?). Ученый впоследствии утверждал, что, готовясь в 1913 году к XV Археологическому съезду в Новгороде, нашел в Пернове связку документов, содержащую «записку Дабелова» и «лично просмотрел всю опись».

Вот только сфотографировать его у ученого почему-то не нашлось денег, и он просто переписал его от руки.

Архангельский собор

Мы далеки от того, чтобы подозревать Стеллецкого во лжи. Вполне возможно, что он видел список, выполненный в свое время Дабеловым и Клоссиусом. Выдавать свою подделку за подлинник им было невыгодно, поскольку она вряд ли бы выдержала сколько-нибудь серьезную палеографическую экспертизу: профессора ведь отнюдь не были мастерами подделок. Маловероятно, что Стеллецкий эпизод с находкой придумал, чтобы получить весомый повод для раскопок в Кремле. Игнатий Яковлевич в целом производит впечатление увлекающегося, но честного ученого, не способного на фальсификацию. И он, безусловно, был убежден, что «записка Дабелова» подлинная и Либерея действительно существует. А поскольку сомнений у него не было, то он поспешил от руки скопировать документ, вместо того чтобы преодолевать все сложности, связанные с его фотосъемкой. Подвергать документ палеографической экспертизе ученый явно не собирался. Наверное, Стеллецкий верил, что теперь драгоценный список никуда больше не исчезнет. Он не мог предположить, что через какие-нибудь пять лет Эстония станет независимым государством, и доступ в Пярну для него будет закрыт. Когда же после Второй мировой войны Эстония оказалась включена в состав СССР, никаких следов «рукописи Дабелова» в местных архивах и библиотеках не было обнаружено. Однако ее исчезновение теперь вполне можно было списать на последствия войны.

Московский кремль. Соборы. Худ. Васнецов А.М.

В 1912 году Стеллецкий сделал доклад «План подземной Москвы», где доказывал, что создатели московского Кремля – зодчие Фиорованти, Солари, Алевиз – нашли неолитические пещеры в кремлевском холме и на их основе устроили систему подземных ходов, связавших самые разные постройки Москвы. Правда, никакими документальными свидетельствами это подтвердить не удалось. Да и сомнительно, что итальянские архитекторы в XV–XVI веках занимались масштабными раскопками. Они слишком ценили и собственное время, и средства, выделенные на проведение работ. Конечно, в случае, если в ходе возведения фундамента они наткнулись на естественную полость, то могли ее использовать для водоснабжения или тайника, но вскрыть всю систему подземных пещер в районе Кремля они, безусловно, не могли.

В 1911 году Стеллецкий пришел к выводу, что раскопки надо начинать от Угловой Арсенальной башни, поскольку ход, по которому в XVII веке прошел дьяк Макарьев, непременно приведет к заветному тайнику с Либереей. Ученый исходил из предположения, что, кроме библиотеки византийских императоров, в Кремле больше нечего было прятать. Разумеется, строгих научных оснований у этого предположения не было, а была только увлеченность ученого

идеей великой библиотеки, по не очень понятным причинам сокрытой от мира. И уж совсем непонятно, почему подземный ход, ведущий в Кремль, обязательно должен был вести к Либерею. Ведь подземные ходы, как правило, прокладывали на случай осады, чтобы осажденные с их помощью могли сношаться с внешним миром. Но при чем здесь библиотека?

В 1912 году Стеллецкий, обследуя подвалы Арсенала, где в то время велись земляные работы, на глубине одного метра нашел кирпичный свод тайного хода, но ему не разрешили вскрыть его.

В связи с приближением 300-летнего юбилея дома Романовых археолог подал прошение на имя императора Николая II, добиваясь, чтобы ему разрешили искать в Кремле исчезнувшую царскую библиотеку. Целый год прошение ходило по инстанциям. Наконец, пришел ответ от Императорской археологической комиссии – шедевр бюрократического словотворчества: «Комиссия имеет честь уведомить Вас, милостивый государь, что проекту разыскания библиотеки Иоанна Грозного на средства Государственного казначейства не может быть дано дальнейшего движения вперед впредь до представления Вами сколько-нибудь точных предположений о месте, где могла сохраняться названная библиотека».

Но все-таки в 1914 году при помощи Московского архива Министерства юстиции Стеллецкий получил разрешение дворцового управления на осмотр подземелий Угловой Арсенальной и Тайницкой башен. 26 июля он приступает к работе, а спустя пять дней началась Первая мировая война, и раскопки пришлось прекратить. Из западных районов страны в Кремль срочно эвакуировалось имущество царских дворцов. Тут уж было не до поисков Либереи.

Когда в 1923 году после бурь гражданской войны Стеллецкий вернулся с родной Украины в Москву, то обнаружил, что его архив и библиотека пропали. Тем не менее он не отчаивался и не терял надежды найти библиотеку Ивана Грозного. Он устроился библиотекарем в Историческом музее и начал собирать материалы о подземном Кремле. Ученый обратился в ОГПУ, чтобы получить разрешение на обследование подземелий Москвы, и особенно Кремля. Чекисты ему ответили: «В Кремль мы вас не пустим, а вся Москва ваша... Мы его (Кремль) сами весь ископали». Однако и за пределами Кремля здания, занятые правительственными учреждениями, военными организациями, банками и т. п., были для Стеллецкого недоступны. Так что «вся Москва» не получилась. Но все же Игнатию Яковлевичу удалось найти подземные ходы в Сухаревой башне, расположенном в Б. Харитоньевском переулке Юсуповском дворце, а в бывшем замке Бирона в подвале оказались свежезаложенные арки, за которыми находился ход, предположительно выводящий в район Воробьевых гор. На месте замка сейчас – высотный дом на Котельнической набережной.

Стеллецкий читал много лекций не только в Москве, но и в других городах России, рассказывая о пещерах, подземных ходах, библиотеке Грозного. Он говорил о возможности постепенного разрушения зданий, под которыми расположены «исторические пустоты». И в дальнейшем трещины были найдены в зданиях библиотеки имени Ленина, Большого и Малого театров, «Метрополя».

Получив согласие начальника Метростроя, Стеллецкий решил создать музей «Подземная Москва». Однако метрополитен не смог выделить даже комнаты, и все экспонаты размещались в маленькой квартире Стеллецкого. Он утверждал: «Очищенная, реставрированная и освещенная дуговыми фонарями подземная Москва являла бы из себя подземный музей научного и любого интереса».

Стеллецкий верил, что подземная Москва будет еще одним великим мировым музеем, частью которого закономерно станет и подземный Кремль.

В 1924 году Стеллецкий встречался с Н. С. Щербатовым, который тогда служил комендантом в бывшем доме Археологического общества. Но получить от него фотографии подземелий Кремля и записи о раскопках, проводившихся в конце XIX века, оказалось невозможно. Вскоре после Октябрьской революции их позаимствовало «под честное слово» ЧК и так и не

вернуло. Летом 1924 года в Историческом музее состоялось два диспута по поводу того, надо ли искать библиотеку Ивана Грозного? Мнения на этот счет разошлись, а вот за исследование подземного Кремля проголосовало большинство присутствовавших.

Здание Исторического музея в Москве, где летом 1924 года прошли диспуты по поводу того, надо ли искать библиотеку Ивана Грозного

Чтобы получить разрешение на раскопки в Кремле, Стеллецкий обращался в Моссовет, Наркомпрос, ЦИК, Совнарком и, наконец, в 1933 году подал докладную записку Сталину. И тот разрешил начать раскопки. Казалось, теперь-то Либерея будет найдена. Характерно, что Стеллецкий просил разрешения не на исследование подземного Кремля, а именно на поиски библиотеки Ивана Грозного.

Стеллецкий верил, что Сталин мечтает найти царскую библиотеку. Ведь эта находка, случись она, как бы делала новую власть наследницей древней византийской традиции и давала ей в руки интеллектуальные сокровища мирового значения. Но на самом деле в большей мере власть волновали сугубо практические соображения, хотя интерес Сталина к личности Ивана Грозного и всему, что с ним связано, тоже не стоит сбрасывать со счетов.

Еще в апреле 1918 года, всего через месяц после переезда советского правительства в Москву, Ленин приказал коменданту Кремля П. Д. Малькову обследовать кремлевские под-

земелья. Затем архитектор И. Е. Бондаренко осмотрел стены и башни, указал все найденные тайники и указал, что все они замурованы и засыпаны.

В 1920 году комендантом Московского Кремля стал Р. А. Петерсон, которого тоже занимал вопрос, нет ли каких-либо тайных ходов, по которым в Кремль могут пробраться враги. Петерсон обратился к историкам, те отвечали: за века почва перерыта, тайники перерезаны, так что попасть по ним в Кремль при всем желании невозможно.

Внимание Петерсона привлекли выступления И. Я. Стеллецкого, посвященные подземной Москве. Комендант стал знакомиться с его статьями еще до публикации и иногда накладывал вето на выход в свет того или иного материала. Впоследствии он так объяснял Стеллецкому необходимость цензуры: «Потому, понимаете сами, комендант обязан охранять Кремль, кто-нибудь подберется, взорвет...».

В 1929 году комендант из соображений безопасности приказал засыпать колодец в Тайницкой башне и замуровать ходы из нижних палат в Троицкой башне. В том же году, когда на месте уничтоженного Чудова монастыря начали строить школу красных командиров, Петерсон распорядился прорыть траншею от Спасской до Никольской башни, но никаких тайных ходов здесь не нашли. Тогда комендант предложил провести еще одну траншею от Водовзводной до Беклемишевской башни, но тут вмешался секретарь ЦИК А. С. Енукидзе, заметивший, что в Кремле и без того хватает «каналов».

Наряду с реальными и мнимыми подземными ходами коменданта беспокоили весьма частые провалы почвы в Кремле. Беспокоило Петерсона и состояние ряда кремлевских зданий, в стенах которых появились трещины, что могло указывать на наличие под ними подземных пустот. А в здании Арсенала не только имелись многочисленные трещины в стенах, но и в одном из помещений первого этажа пол оторвался от стены и опустился почти на метр. Значит, под ним была какая-то пустота.

В конце октября 1933 года во дворе здания правительства во время утренней зарядки провалился на глубину 6 метров один из красноармейцев. Петерсон приказал лить в провал воду. Лили полдня, но «колодец» оказался бездонным, вода уходила неизвестно куда. Пожалуй, этот провал стал последней каплей, переполнившей чашу терпения Р. А. Петерсона.

Водовзводная башня

Беклемишевская башня

Докладная записка Стеллецкого из секретариата Сталина попала к Енукидзе. Посоветовавшись с Петерсоном, он позвал в Кремль Стеллецкого. От археолога потребовали выяснить причины трещин в кремлевских зданиях, найти существующие подземные ходы, а если повезет, то заодно – и Либерю.

Стеллецкий собирался вести раскопки в Угловой Арсенальной башне, в Тайницкой и Троицкой башнях, в Успенском соборе и на Красной площади. Комендант одобрил план.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.